

1792

Гром победы и храбрые россы

23 апреля 1792 года старый фронтовой служака князь А. А. Прозоровский — надменный и всеми ненавидимый московский генерал-губернатор — отправил из Москвы гусарского майора князя Жевахова с эскадроном из двенадцати гусар, унтер-офицером и капралом арестовывать масона Николая Новикова. Ночь напролет Жевахов со своими гусарами скакал в Авдотьино-Тихвинское, имение Новикова, где они нашли его в постели, больного, в полусознательном состоянии после произведенного накануне обыска. Однако Жевахов, имевший приказ «доставить важного государственного преступника, притворившегося тяжело больным», выполнил его, и Новиков был привезен в крытой повозке в Москву и допрошен Прозоровским.

Через несколько дней императрица Екатерина II повелела отправить масона под конвоем в Санкт-Петербург, где следствие должен был продолжить печально известный как «домашний палач кроткой Екатерины» С. И. Шешковский. В течение следующих недель Новиков давал показания о своей масонской деятельности, о связях с «вольными каменщиками» при враждебном Екатерине берлинском дворе и о своих отношениях с великим князем Павлом Петровичем. В конце концов он признал свою вину, сознался в публикации запрещенных масонских книг и попытке склонить наследника к масонству. В августе последовал приговор — заключение в Шлиссельбургскую крепость сроком на 15 лет.

О судьбе Новикова после ареста долгое время никто ничего не знал, и по Москве ходили о нем разные слухи. Так, А. Т. Болотов записал в своем дневнике 12 января 1796 г.: «Славного Новикова и дом, и его имение, и книги продаются в Москве из магистрата с аукциона. .. По-видимому, справедлив тот слух, что его нет уже в живых — сего восстановителя литературы». Учрежденная после ареста просветителя Комиссия духовных цензоров занялась работой по выявлению крамольных книг среди новиковских изданий. Через полтора года ее работа была завершена. Находившиеся в московском доме Новикова

и в Авдотьино, а также на складах Типографической компании и ее магазинов, 18 656 книг были 15 июня 1794 г. сожжены на Болотной площади в Москве. Среди других книг в огне погиб и шекспировский «Юлий Цезарь» в переводе Н.М. Карамзина.

Общество безмолвствовало. Лишь Карамзин дерзнул воззвать к гуманным чувствам Екатерины II. В майском номере 1792 г. издаваемого им «Московского журнала» была напечатана ода «К милости», где есть и такие строки: «Там трон навек не потрясется, где он любовью бережется». Страшновато звучали эти слова в условиях Великой французской революции. Наверху хранили молчание. Вскоре Карамзин закрыл журнал.

С расправой над Новиковым эпоха «торжествующей Минервы», богини мудрости и покровительницы искусств, закончилась. Императрица уничтожила первую в нашей стране независимую общественную инициативу, первое вольное просветительское и благотворительное дело. Именовавшая себя главой православной церкви (слово «Бог» в официальных документах писалось с заглавной буквы, в то время как «Екатерина» — одними заглавными), она нанесла смертельный удар по «практическому христианству» Новикова и его соратников. Это было, по словам В.О. Ключевского, «нравственное банкротство» блестящего царствования. А начало этой драмы — середина 1770-х, когда политика Екатерины начинает приобретать все более узкословный и военно-имперский характер, а сама императрица все с большим подозрением относится к духовным и интеллектуальным поискам образованного дворянского общества, что хорошо отражают написанные ею комедии.

Губернские учреждения и Жалованные грамоты

Вдогонку пугачевщине с 1775 г. начинается губернская реформа, во многом перестроившая и изменившая местную жизнь. Реформа ввела новое административное деление (губернии и уезды), сохранившееся до 1920-х гг., и новую систему местных органов, просуществовавшую более ста лет. Новаторскими были ее основные принципы: децентрализация местного управления, отделение суда от администрации и приближение их к населению, увеличение роли выборных представи-

телей дворянства в местном управлении, создание на местах совершенно новых учреждений — «приказов общественного призрения», ведавших школами, больницами, приютами.

Правда, в российских условиях полного отделения суда от исполнительной власти не получилось — достаточно вспомнить взаимоотношения городничего и судьи Ляпкина-Тяпкина из гоголевского «Ревизора». Созданные в 1775 г. в уездах (в 1785-м — в губерниях) дворянские собрания избирали главу уездной власти и судей земского суда, но не могли контролировать их деятельность или смещать, а таким образом выборные представители дворянства превращались в разновидность коронных чиновников.

Процесс оформления сословного строя завершился Жалованными грамотами дворянству и городам, изданными в один день — 21 апреля 1785 г. Дворяне получили законодательно оформленное подтверждение всех своих привилегий и некоторое расширение полномочий дворянских собраний. Вопрос о праве владения крепостными был обойден — говорилось о собственности дворянина на имение со всем, что в нем находилось. Но прямо о владении душами сказано не было.

Причины этого не очень ясны — возможно, Екатерина хотела показать, что право на владение крепостными не будет навсегда сохранено за дворянством. Надо сказать, что эта сторона дела привлекла внимание не столько современников, сколько историков. Жалованная грамота городам попыталась создать русское «третье сословие» в виде «градского общества». Городское население было разделено на шесть разрядов. Верхушка города освобождалась от телесных наказаний и подушной подати, за ней закреплялось право собственности на имущество, свобода торговли и предпринимательства. «Градское общество» получило права юридического лица и избирало городскую думу, ведавшую, правда, только благоустройством и санитарным состоянием города (и то под контролем городничего из дворян).

Была подготовлена и Жалованная грамота государственным крестьянам, которая, однако, так и осталась неопубликованной, очевидно, из-за боязни возмутить дворянство. Историки справедливо считают, что эти грамоты в совокупности составляют всеобъемлющее сословное законодательство, призванное не столько поддержать то или иное сословие, сколько усилить само государство. Для этого надо было ликвидировать пропасть между монархом и народом, пагубность которой показала пугачевщина, путем создания «посредствующих властей»

— дворянства, «градского общества» и лично свободного крестьянства, законодательно закрепив их права и обязанности. Правда, из триады выпало государственное крестьянство, но и в таком виде сословное законодательство Екатерины было важным достижением. Некоторые историки называют, например, Жалованную грамоту дворянству первым правовым актом в русской истории — привилегии и свободы «благородных» были даны «навек», «непоколебимо и ненарушимо». Правда, последовавшее затем павловское царствование показало истинную цену этой «ненарушимости»...

Екатерина II готовила и другие «фундаментальные законы» для России — «Наказ Сенату», «Уголовное уложение», которые должны были реформировать судебную систему и гарантировать всем подданным их права и судебную защиту, но все они остались на бумаге. Императрица становилась все более осторожной (особенно после начала Великой французской революции), колебалась между стремлением к умеренной либерализации русских государственных и общественных порядков и боязнью утратить полный контроль над ситуацией в стране. Неоднократно заявляя о своей приверженности идее народного представительства («Я в душе республиканка, деспотизма ненавижу»), она в то же время считала принципиально неправильным и бесполезным для России ограничение самодержавной власти.

Это, конечно, была политическая квадратура круга, весьма, однако, характерная для русской истории. В тисках этого противоречия будут биться Александр I, Александр II, Николай П. Список можно и продолжить... Об этой характерной для российской истории дилемме деспота-реформатора с горечью напишет в 1782 г. Радищев: «Нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что ли из своей власти, сядя на престоле».

На деле постепенно происходил переход от прагматики к реакции, что наглядно зафиксировали «дела» А.Н. Радищева (1790) и Н.И. Новикова (1792). В диалоге власти и просвещенного общества власть срывалась в охранительство и реакцию.

«Потемкинские деревни» и шейх Мансур

Изменению курса Внутренней политики соответствовал и поворот во внешней. Начинаясь (точнее, продолжалась — еще со времен Пет-

ра) эпоха, отражением которой стал знаменитый военный гимн «Гром победы, раздавайся, веселися, храбрый Росс!».

В бытность великой княгиней молодая Екатерина, определяя для себя заповеди монарха, сформулировала их следующим образом.

1. *Нужно просвещать нацию, которой должен управлять.*
2. *Нужно ввести добрый порядок в государстве, поддерживать общество и заставлять его соблюдать законы.*
3. *Нужно учредить в государстве хорошую и точную полицию.*
4. *Нужно способствовать расцвету государства и сделать его изобильным.*
5. *Нужно сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям.*

Каждый гражданин должен быть воспитан в сознании своего долга перед Высшим Существом, перед собой, перед обществом. ...»

(Екатерина II. Сочинения. М., 1990. С. 647.)

С середины 1770-х гг. начинается новый, в значительной степени вызванный успехами первой русско-турецкой войны и раздела Речи Посполитой грандиозный «греческий проект» в Северном Причерноморье. Именно он в итоге сделал Российское государство «грозным» и «внушающим», но ценой этого стало опустошение казны и бесконечные войны и конфликты, идущие, например, на Кавказе и до сего дня.

Приверженность идеалам Просвещения вполне гармонично уживалась в сознании императрицы с имперской идеей, согласно которой великая Россия как наследница Византии обладала неотъемлемым правом вмешиваться в дела соседей и решать судьбы народов по своему усмотрению. Екатерина считала, что ее миссия состоит в защите и распространении христианства, а потому, борясь с Турцией, она действует в общеевропейских интересах. Как восточное (турецкая проблема), так и западное (польский вопрос) направления внешней политики России достались Екатерине от ее предшественников, но решающие действия были совершены ее дипломатами, военачальниками и солдатами.

«Греческий проект» стартовал с середины 1770-х гг., когда статс-секретарем становится А.А. Безбородко, а фаворитом (как считают

некоторые историки, тайным мужем и соправителем) — Г.А. Потемкин. В апреле 1779 г. у Екатерины рождается второй внук, которого называют греческим именем Константин, нанимают ему кормилицу-гречанку, чеканят в честь его рождения монету с изображением храма Святой Софии в Константинополе. На специально устроенном по этому случаю празднестве читают греческие стихи. Все эти меры подготавливали курс на борьбу с Турцией, завоевание ее территории и восстановления греческой империи с Константином на троне (по этому плану предполагалось, что в России будет царствовать первый и любимый внук Александр).

В начале 1780-х гг. Потемкин подает Екатерине записку о необходимости присоединения Крыма, которая потом легла в основу знаменитого письма императрицы от 10 сентября 1782 г. австрийскому императору Иосифу II. В своей записке Потемкин в манере геополитики XX века, играющей судьбами малых стран и народов, констатирует:

«<<Крым положением своим разрывает наши границы... Положите же теперь, что Крым ваш и что нет уже сей бородавки на носу — вот вдруг положение границ прекрасное: по Бугу турки граничат с нами непосредственно, потому и дело должны иметь с нами прямо сами, а не под именем других. Всякий их шаг тут виден. Со стороны кубанской, сверх частных крепостей, снабженных войсками, многочисленное войско Донское всегда тут готово. Доверенность жителей в Новороссийской губернии будет тогда несомнительна, мореплавание по Черному морю свободнее... Вы обязаны возвысить славу России. Посмотрите, кому оспорили, кто что приобрел: Франция взяла Корсику, цесарцы (т. е. австрийцы) без войны у турок в Молдавии взяли больше, нежели мы. Нет державы в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки, Америки... С Крымом достанется и господство в Черном море, от вас будет зависеть запираť ход туркам и кормить их или морить с голоду... Сколько славно приобретение, сколько вам будет стыда и укоризны от потомства, которое при каждах хлопотах так скажет: вот, она могла, да не хотела или упустила. Если твоя держава — кротость, то нужен в России рай» (История России ХУІІІ-ХІХ вв. Хрестоматия. М., 2003. С. 112-113).

Вскоре начались решительные и далеко не «райские» действия. В 1783 г. Крым был оккупирован русскими войсками. Потемкин торжественно принял присягу местной знати. Крымским татарам были гарантированы права собственности, уважение их религии и равенство с другими подданными российской императрицы. Первый шаг к реализации «греческого проекта» был сделан.

На очереди стояло наступление на Кавказе. В том же 1783 г. был подписан Георгиевский трактат, по которому Восточная Грузия (Картли и Кахетия) переходила под протекторат России, гарантировавшей ее царю Ираклию II территориальную целостность владений. В Тифлис были направлены два батальона русских войск. Соответственно, встала проблема охраны дороги через горные перевалы. Сначала кабардинцы, недовольные возведением на их землях Моздокской крепости (1764), потом ногайцы кубанских степей, а затем и горцы северного Кавказа начинают воевать с Россией. Кавказская война, которую обычно начинают с А.П. Ермолова, на самом деле началась почти на пятьдесят лет раньше. Как пишет В.А. Потто, основание Моздока «стало началом той великой программы, на выполнение которой потребовалось целое столетие и миллионы материальных жертв и нравственных усилий».

Одним словом, началась столетняя Кавказская война. Ее первым этапом стало национально-освободительное восстание горцев в 1785—1791 гг., возглавленное бывшим чеченским пастухом из аула Алды Ушурмой, провозгласившим себя Мансуром. У мусульман существует предание о том, что придет предсказанный великим пророком Магометом, но «скрытый» до поры имам (от арабского «амма» — стоять впереди, предводительствовать) Мансур и установит истинно исламский миропорядок.

Выросший в бедной семье и не обученный грамоте, Ушурма «осветился размышлениями о священном законе» и вскоре предстал перед жителями своего аула избранником Магомета, призванным избавить мир от пороков. «Нам предстоит исполнить волю Аллаха и обратить народы в магометанство. Под мои знамена встанет столько джигитов, что едва ли смогут они поместиться на чеченской долине... Когда придет время сражаться, я дам вам кинжалы, которые в бою будут удлиняться. Ни пушки, ни ружья неверных не будут вредить нам...»

Вскоре он был провозглашен своими сторонниками шейхом (по-арабски — старец, почетный титул учителей благочестия, правоведов,

наставников), а затем и имамом — духовным, военным и светским руководителем мусульман. Далеко не все муллы согласились с таким статусом, а турецкий султан даже послал специальную богословскую миссию к Мансору, чтобы выяснить, тот ли он, за кого себя выдает. Посланцы султана пришли к выводу, что «он не ученый и не особенно набожен, хотя и не уклоняется никогда от совершения молитв, предписанных законом». По их мнению, «Мансур есть не то лицо, которого ожидают на основании предсказаний Пророка, а обманщик, который притом не пользуется большим доверием в Дагестане».

Мансур, случалось, одерживал победы (осада Кизляра), но чаще терпел поражения, после которых терял почти всех своих сторошков даже из родного аула. Поэтому ему приходилось часто менять места пребывания и опираться на людей, достаточно далеких от Чечни. Мансур был взят в плен при штурме Анапы в 1791 г. и заключен в Шлиссельбург, где умер от скоротечной чахотки в 1794 г. Впрочем, чеченцы верили, что он жив — в самом начале правления Александра I к нему в Петербург приезжала специальная делегация горцев с просьбой помиловать и освободить Мансура.

Но именно он положил начало горскому джихаду (или газавату) — священной войне за национальную свободу. Когда пленному Шамилю задали вопрос о том, кем был имам Мансур, он ответил — «Ушурма из чеченского аула Алды был великим родоначальником духовного и политического возрождения мусульман Кавказа». Вот в этом Шамиль, похоже, был прав. Мансур был первым, кто понял (для этого не требовалось особого религиозного образования) пагубные последствия разобщенности горских племен и попытался их преодолеть на основе ислама. Надо сказать, что к этому горцев толкало и усиливавшееся проникновение (военное и религиозное) Российской империи на Северный Кавказ. Как двести лет спустя утверждал первый чеченский президент Джохар Дудаев, «Россия... вынудила нас стать на путь ислама». Призывая прекратить многолетние распри и кровную месть, подтачивавшие горское общество изнутри, Мансур проповедовал единение и прощение. Именно поэтому его образ остался в памяти чеченского народа.

Опираясь на народные предания, Лев Толстой в «Хаджи-Мурате» воссоздал этот образ устами своего героя Хан-Магомы: «Святой был не Шамиль, а Мансур. Это был настоящий святой. Когда он был имамом, весь народ был другой. Он ездил по аулам, и народ выходил к нему, це-

ловал полы его черкески, и каялся в грехах, и клялся не делать дурного. Старики говорили, что тогда все люди жили как святые — не курили, не пили, не пропускали молитвы, обиды прощали друг другу, даже кровь прощали... Тогда и Бог давал успеха народу во всем, а не так, как теперь». Это, конечно, почти фольклорный мотив «потерянного рая», но интересна живучесть подобных преданий — вплоть до наших дней, когда о Мансуре пишутся книги и защищаются диссертации. По словам А.С. Пушкина, «долго еще будет витать над Кавказом зловещая тень Мансура». Увы, Пушкин не представлял себе, как долго...

В январе 1787 г. Екатерина отправилась в свое знаменитое путешествие в «полуденные края России» — Крым и Новороссию. Путешествие вниз по Днепру и далее до Севастополя было организовано таким образом, чтобы показать всему свету мощь и величие Российской империи. Императрицу сопровождала многолюдная свита, к которой присоединились Иосиф II и польский король Станислав Понятовский. На всем пути следования устраивались всевозможные празднества, парады войск, маневры, балы и спектакли. Недавно основанные и старинные города и селения, через которые медленно проезжала Екатерина, были для большего эффекта и блеска украшены гирляндами цветов, арками и воротами (при въезде в Херсон надпись на них гласила, что здесь начинается путь в Византию). Режиссером и постановщиком всех этих мероприятий, носивших характер гигантского театрального действия, был Потемкин, располагавший огромными средствами и их не жалевший.

Именно во время этого путешествия возникло знаменитое выражение «потемкинские деревни». Как разъясняет словарь, это «что-либо специально устроенное для создания ложного впечатления показного благополучия, скрывающего истинное положение дел». В последнее время историки много спорят о том, существовали ли в действительности фанерные, рассчитанные на взгляд издали деревни и фальшивые склады с мешками песка вместо зерна. Разумеется, это скорее преувеличение потемкинских недоброжелателей. Но совершенно очевидны два обстоятельства. Во-первых, светлейший князь действительно декорировал строения, дороги и мосты, выстраивал специальные «перспективы» из колоннад, арок, ворот, рассчитанные на некоторый, по крайней мере оптический, обман. «Пехотных ратей и коней однообразная красивость» появилась уже тогда. Кстати, потом эти принципы закладывались в архитектурную концепцию стро-

ившихся (или перестраивавшихся) в стиле классицизма русских провинциальных городов.

Еще важнее второе обстоятельство, хорошо сформулированное Иосифом II: «Я вижу во всем этом гораздо больше эффекта, нежели внутренней цены. Князь Потемкин деятелен, но он гораздо лучше умеет начинать, чем завершать. Впрочем, так как здесь никоим образом не щадят ни денег, ни людей, то все может казаться нетрудным. Мы в Германии и во Франции не смели бы предпринимать того, что здесь делается. Владелец рабов приказывает; рабы работают; им или вовсе не платят, или платят мало; их кормят плохо, но они не жалуется...» Действительно, гигантомания и стремление пустить пыль в глаза — любой ценой — были характерными потемкинскими чертами, впоследствии прочно укоренившимися в российской действительности. Когда проектировался кафедральный собор в Екатеринославе, светлейший приказал архитектору «пустить на аршинчик длиннее, чем собор Святого Петра в Риме». Заложенный в результате фундамент оказался таким протяженным, что спустя почти пятьдесят лет, когда маленькая церковь все-таки была построена, он стал ее оградой. Все это, кстати, предвидел Иосиф, принимавший участие в торжественной закладке собора и язвительно заметивший: «...Императрица положила первый камень в основание великого города, а я — второй и последний».

За всеми этими, по выражению П.А. Вяземского, «географическими фанфаронадами» последовали очередная русско-турецкая война 1787—1791 гг., разделы Речи Посполитой и подготовка к едва не начавшейся войне с революционной Францией. Занятая хитросплетениями мировой политики, Екатерина все больше отдалялась от когда-то инициированной ею «вольной» общественной жизни. Русское же общество, наоборот, становилось более зрелым, училось вырабатывать критический взгляд как на себя, так и на монарха и проводимую им политику. Вырастало, по выражению Н.Я. Эйдельмана, второе «непоротое» дворянское поколение.

Просветители, масоны и радикалы

К последней трети «семнадцатого» столетия русское общество уже обладало высоким уровнем умственных интересов, духовных и материаль-

ных потребностей, идейных и нравственных запросов. В своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) Н.И. Новиков приводит данные о 220 писателях — духовных и светских. Начинается и набирает силу процесс диверсификации, «цветущей сложности» культуры — и ее эмансипации от государства. Условно говоря, Екатерине и ее ближайшему окружению противостоят несколько групп, или «проектов».

Во-первых, это либерально-дворянская оппозиция в лице Н.И. Панина, его секретаря Дениса Фонвизина, близкой к ним Е.Р. Дашковой. Эта группа ориентировалась на наследника Павла Петровича и даже попыталась в 1773—1774 гг., когда он достиг совершеннолетия, отстранить Екатерину от власти и передать ему трон, ограничив его власть умеренной конституцией. О заговоре с целью воцарения Павла рассказал в своих воспоминаниях декабрист Михаил Александрович Фонвизин, племянник знаменитого писателя и герой войны 1812 года.

«Мой покойный отец рассказывал мне, что в 1773 году или в 1774 году, когда цесаревич Павел достиг совершеннолетия и женился на дармштадтской принцессе, названной Натальей Алексеевной, граф Н.И. Панин, брат его, фельдмаршал П.И. Панин, княгиня Е.Р. Дашкова, князь Н.В. Репнин, кто-то из архиереев, чуть ли не митрополит Гавриил, и многие из тогдашних вельмож и гвардейских офицеров вступили в заговор с целью свергнуть с престола царствующую без права Екатерину II и вместо нее возвести совершеннолетнего ее сына. Павел Петрович знал об этом, согласился принять предложенную ему Паниным конституцию и дал присягу в том, что, воцарившись, не нарушит этого коренного государственного закона, ограничивающего самодержавие... При графе Панине были доверенными секретарями Д.И. Фонвизин, редактор конституционного акта, и Бакунин (Петр Васильевич), оба участника в заговоре. Бакунин из честолюбивых, своекорыстных видов решил быть предателем. Он открыл любовнику императрицы Г. Орлову все обстоятельства заговора и всех участников — стало быть, это сделалось известным и Екатерине. Она позвала к себе сына и гневно упрекала ему его участие в замыслах против нее. Павел

испугался, принес матери повинную и список всех заговорщиков» (Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Иркутск, 1982. Т. 2. С. 123).

По словам Фонвизина, Панин предлагал «основать политическую свободу сначала для одного дворянства, в учреждении Верховного сената, которого часть несменяемых членов назначалась бы от короны, а большинство состояли бы из избранных дворянством из своего сословия лиц... Под ним в иерархической постепенности были бы дворянские собрания, губернские или областные и уездные, которым предоставлялось право совещаться в общественных интересах и местных нуждах, представлять об них Сенату и предлагать ему новые законы».

«Выбор как сенаторов, так и всех чиновников местных администраций производился бы в этих же собраниях. Сенат был бы облечен полною законодательною властью, а императорам оставалась бы власть исполнительная, с правом утверждать Сенатом обсужденные и принятые законы и обнародовать их. В конституции упоминалось и о необходимости постепенного освобождения крепостных крестьян и дворовых людей». В этом проекте видны как идущие из прошлого идеи о выборном дворянском представительном органе, так и новые, уводящие в будущее, к проектам М.М. Сперанского, Н.И. Новосильцева, Н.М. Муравьева, принципы разделения властей, парламентаризма (правда, только дворянского), законодательной инициативы «снизу», наконец, отмены крепостного права.

Судя по дошедшим до нас сведениям, императрица упредила заговорщиков и затея провалилась, но, как установил М.М. Сафонов, и за несколько дней до своей смерти в 1783 г. Панин убеждал Павла преобразовать государственный строй России на конституционных началах. Проект Панина и Фонвизина всплыл вновь в 1801 г. в заговоре теперь уже против Павла (правившего совсем не по заветам Панина) — для ограничения самодержавия будущего Александра I. Не получилось и на этот раз.

Следующим был проект масонско-просветительский, новиковский. Для Новикова и созданной им из братьев — «вольных каменщиков» и с помощью их капиталов «Типографической компании» главным в масонстве были два направления деятельности. Во-первых, духовно-нравственное исправление собственной личности на стезях христианского вероучения (Новиков, его учитель И.Г. Шварц, сорат-

ники С.И. Гамалея, И.В. Лопухин, И.П. Тургенев, Г.М. Походяшин были людьми глубоко веровавшими и напряженно искавшими «Царства Божьего и правды его»). Правда, масоны были христианами гностического толка, искали некоего тайного знания, чем крайне настаивали многих, в том числе просвещенного и либерального митрополита московского Платона (Левшина). Как вспоминал Лопухин, «он очень в разговорах восставал против нашего общества; однакож расставались мы всегда приятелями». Именно под влиянием бесед с Платоном Лопухин написал краткий «Нравоучительный катехизис истинных франк масонов» — очевидно, первый мирянский катехизис в России.

Во-вторых, «практическое христианство» — грандиозный по своим масштабам просветительно-филантропический проект, в рамках которого за десять лет (1779—1789) аренды типографии Московского университета (Ключевский называл их «новиковским десятилетием в русской культуре») была издана почти тысяча наименований книг (треть всех вышедших в стране), первые в России женские, детские, философские, агрономические журналы, учебники и т. п. Новиковцы открыли при Московском университете первую в стране педагогическую семинарию для подготовки преподавателей гимназий и пансионов, первое студенческое общество («Собрание университетских питомцев»), переводческую семинарию, ученики которой обучались на средства, собранные масонами, больницу и аптеку (бедным лекарства раздавались бесплатно).

Позднее Пушкин писал, что «Новиков был первый, кто сеял лучи просвещения в нашем отечестве». Не только просвещения, но и благотворительности. Когда в 1786—1787 гг. жестокие морозы и засуха стали причиной неурожая и голода, поразивших центральные губернии России, правительство, занятое потемкинскими прожектками в Крыму и подготовкой к новой войне с Турцией, не предприняло никаких мер, чтобы помочь голодающим. Собственно, для этого не было и необходимых средств — по словам графа Лудольфа, сопровождавшего Екатерину в путешествии по «полуденным краям», «для разорения России надобно не особенно много таких путешествий и таких расходов».

Именно Новиков и его соратники собирали средства для покупки зерна голодающим, раздавали крестьянам хлеб и семена для посева. По приблизительным подсчетам, они спасли от голода крестьян «более

чем из ста селений казенных и дворянских». Самую большую помощь оказал Новикову его друг и почитатель Г.М. Походящий, сын богатого владельца уральских заводов, который передал для голодающих пятьдесят тысяч рублей. Это, кстати, было не первое и не последнее пожертвование на нужды просвещения и благотворительности Походяшина, который в конце жизни умер в нищете, имея над головой портрет Н.И. Новикова, которого глубоко уважал. Между тем раздача хлеба в том числе и казенным, т. е. государственным крестьянам, была расценена Екатериной как вызов власти, хотя эта самая власть и не справлялась со своими обязанностями.

Размах независимой от правительства просветительско-благотворительной работы насторожил Екатерину, вызвав в итоге не только разгром новиковского кружка и заключение самого Новикова в Шлиссельбург, но и начало в 1786 г. долго откладывавшейся школьной реформы — с тем чтобы перехватить инициативу у масонов. Новикову и его соратникам официально были предъявлены обвинения чисто политические (связи с берлинскими «вольными каменщиками», вступление наследника Павла Петровича в масонство). Между тем еще наставник Новикова Шварц утверждал, что «всякое масонство, имеющее политические виды, есть масонство ложное», и деятельность «Типографической компании» и Дружеского ученого общества преследовала цели духовно-просветительские и филантропические. Именно эта активность, вкупе с поездками эmissара новиковского кружка архитектора В.И. Баженова из Москвы в Гатчину к Павлу Петровичу (с разного рода христианской и масонской литературой) и стали причиной гонений.

Кроме того, очевидно, рационалистке Екатерине были (с чисто психологической точки зрения) чужды и непонятны религиозные поиски масонов, их напряженная внутренняя работа по совершенствованию «дикого камня» души человека и превращению его в «камень краеугольный». Сама императрица, неукоснительно соблюдая все внешние формы православного благочестия, внутренне была к нему вполне индифферентна. По сообщению П.И. Бартенева, «всенощную Екатерина слушала на хорах, где у нее был столик, за который она садилась и раскладывала иногда гранпасьянс. Стоявшие внизу молещницы не могли этого видеть».

Наконец, складывается и радикальное направление, представленное, правда, по большому счету одним Радищевым (по отдельным

вопросам близки к нему были Я.Б. Княжнин, Ф.А. Кречетов). «Ультралибералу» Радищеву (по выражению Ключевского) здорово не повезло в науке — созданный В.И. Лениным образ «первого русского революционера-республиканца» надолго заслонил собой очень честного, чувствительного и мужественного писателя (кстати, управляющего петербургской таможней и единственного там чиновника, не бравшего взятки).

В знаменитом, но не до конца понятом и изученном «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) с невиданной доселе остротой и смелостью поставлены самые насущные вопросы российской действительности — о пределах власти монарха и правах граждан на сопротивление его злоупотреблениям, о губительных последствиях всеобщего крепостного права и «рабского покоя», о коррупции и несправедливости судебной-правовой системы, драконовской цензуре и т. д.

Императрица, очень внимательно, хоть и с нарастающей яростью прочитавшая книгу, оставила много эмоциональных замечаний на ее полях. Напуганная французской революцией, она увидела в труде Радищева «рассеивание заразы французской: отвращение от начальства». Действительно, российское самодержавно-крепостническое государство не вызывало восторга у сочинителя. Еще в 1773 г. в примечании к трактату Мабли Радищев перевел термин «йезро&те» словом «самодержавие» и пояснил — «самодержавие есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». Ода «Вольность» (1781—1783) содержит обличение монархии и предупреждение о грядущей народной революции. Это отметила Екатерина, назвав оду «совершенно и явно бунтовскою, где царям грозитя плахою, а Кромвелев пример приведен с похвалою». Горькая ирония и отголоски собственного неудачного опыта слышны и в замечании императрицы на полях главы «Хотилово» — «уговаривает освободить мужиков, да хто послушает». Приговор ее был суров — «бунтовщик хуже Пугачева», «надежду полагает на бунт от мужиков». Между тем в «Путешествии» Радищева все не так однозначно.

В книге соседствуют и дополняют друг друга три взгляда на будущее России. Первый из этих прогнозов, вошедший во все учебники, — это путь крестьянской революции. Этот путь привлекает Радищева быстрым восстановлением поправленных «естественных прав» человека, но неизбежной при этом «пагубы зверства» он страшится. Ему непри-

ятен Пугачев — «грубый самозванец» и его сторонники, которые в бунте «искали паче веселия мщения, нежели пользы сотрясения уз». Не то чтобы он сомневался в этой пользе, нет, он, скорее, верит в нее, но видит и другие пути, другие исходы.

Второй вариант развития событий — это постепенная ликвидация крепостного права и восстановление крестьянства как полноправного сословия («Проект в будущем» в главе «Хотиллов»). Основной его идеей было освобождение крестьян с землей за выкуп, в сочетании с освобождением дворовых и созданием судебной системы. Правда, осуществление этого плана относится в далекое будущее, но ведь там же («я зрю сквозь целое столетие») находится у Радищева и народное восстание. Это альтернативы, и какая из них осуществится, автору не ясно.

Зато ясен и по-своему вечен третий, самый пессимистический и длительный путь — постоянный квазиисторический круговорот, вечное возвращение на исходные позиции («в мире сем все преходит на прежнюю степень»). На этой идущей еще с античных времен идее построена смелая ода «Вольность», в которой описывается смена деспотических и демократических режимов и делается вывод, что «таков есть закон природы: из мучительства рождается вольность, из вольности — рабство». Чтобы разрубить этот клубок, требуется вмешательство Творца — только ему под силу избежать многочисленных ловушек как тирании, так и демократии, «блестящий день родить из туч».

Книга Радищева — как бы зачин ко всей нашей великой литературе XIX и XX вв. с ее темой униженных и оскорбленных. Первые слова «Путешествия» — «я взгля!гул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвленна стала» — эпитафия и к Гоголю, и к Достоевскому, и к «Доктору Живаго» и «Факультету ненужных вещей». Судьба писателя тоже характерна — именно он открыл русской литературе дорогу в ссылку.

Таким образом, «век золотой» для интеллигенции закончился уходом наиболее деятельной ее части в оппозицию правительству и императрице, которая, кстати, в «Наказе» осуждала преследования за убеждения. Как писал из Сибири декабрист М.С. Лунин, «от людей отделаться можно, от их идей нельзя». Кстати, это относится ко всем им — и к Радищеву, Новикову, Фонвизину, и к Екатерине. Мы до сих пор добиваемся политической свободы, законов, прав личности. И мы опять хотим сильного государства, порядка и «твердой руки». «В одну телегу впрячь невозможно...»

Эти противоречия и пути выхода из них были очевидны иностранным наблюдателям, которые в своих книгах нередко не только ставили диагноз, но и «прописывали» лечение. Так, например, один из собеседников Екатерины II, весьма информированный английский ученый и писатель Уильям Кокс, подводя итоги русским главам своей книги, констатировал: «Благодаря преувеличенным рассказам, читанным и слышанным мной о великих успехах цивилизации в Российской империи, я ожидал несравненно большего просвещения в нравах, чем нашел на деле, и, признаюсь, был поражен состоянием варварства, в которое до сих пор погружена основная масса народа. Общее усовершенствование немислимо, пока существует крепостное право; какие-либо существенные перемены в нравах и обычаях народа невозможны без полной безопасности личности и имущества» (1784).

Диагноз, кстати, во второй своей части не устарел и до сегодняшнего дня. А ведь если бы Екатерина не разгромила новиковский кружок, поверив наветам, будто заговорщики замышляют новый переворот в пользу Павла Петровича, не уничтожила крупное общественное предприятие, дала ему развиваться, втянуть в свою орбиту все более широкие слои — не пришлось бы любимому внуку императрицы Александру I с горечью констатировать, что ему «некем взять» (т. е. провести) необходимые для России реформы...

Подробнее на эту тему:

Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001.

Потто В.А. Два века терского казачества. Ставрополь, 1991.

Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000.

Екатерина II и ее окружение. М., 1990.

Краснобаев Б.И. Очерки истории русской культуры второй половины ХУН-ХУШ в. М., 1983.